

Кондраль, А. А. Концепция государственного управления в идеологии ассоциации «Братьев-мусульман» / А. А. Кондраль // Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ : В. С. Кошелев (пред.) [др.]; под науч. ред. В.С. Кошелева, — Минск: РИВШ, 2014. — С. 64-67

А.А. Кондраль
Белорусский государственный университет, преподаватель

Концепция государственного управления в идеологии ассоциации «Братьев-мусульман»

Политическая составляющая всегда являлась ключевым аспектом идеологии «Братьев-мусульман». Несмотря на то, что на начальном этапе своей деятельности ассоциация представляла собой скорее религиозное сообщество, нежели политическую организацию и сосредотачивала свою деятельность прежде всего на культурном просвещении населения, идейный фундамент «Братьев», заложенный основателем ассоциации Хасаном Аль-Банной, затрагивал вопросы как внутреннего государственного устройства, так и внешних связей Египта, а значит имел прочную политическую подоплеку.

В основе всей политической концепции ассоциации лежит мусульманская традиция государственного устройства, трактующая ислам как всеобъемлющую религию, представляющую собой цельную систему, которая регулирует все сферы жизни общества [1, с. 573]. Согласно теории «Братьев», простая религиозность, без соприкосновения с политической, социальной и экономической активностью бесполезна для мусульманского общества [2, с. 167]. Государственная власть играет важнейшую роль в продвижении ислама, священный призыв (дауа) является неотъемлемой обязанностью правителя. Следовательно, власть не может быть разделена на религиозную и светскую, так как ислам – не просто религиозный культ, а форма государственного управления, политического, экономического и социального уклада [3, с. 304].

В качестве идеального примера государственного устройства Хасан Аль-Банна представил средневековый Исламский Халифат, а именно период праведных халифов, к которому в XVIII – XIX вв. уже обращались салафиты как к «золотому стандарту» государственного управления [4, с. 116]. По его словам, «призыв «Братьев-мусульман» обращен ко всем правоверным и не разделяет людей на разные группы. Единый Исламский Халифат и его возрождение является основной целью братства» [3, с. 27]. Таким образом, концепция государственного устройства «Братьев-мусульман» не признавала деления по нациям, оставляя религиозный аспект в качестве основного критерия.

Создание Исламского халифата как единой родины для всех мусульман подразумевало серьезную подготовку, включавшую в себя полное социально-экономическое взаимодействие между мусульманами, создание исламских союзов и учреждение органа, в чьи функции входило бы избрание халифа [5, с. 70]. «Халиф ... имел право сам принимать важные государственные решения,

в том числе касающиеся судебных дел. Фактически, халиф сочетал и исполнительную, и судебную власть, тем более что ему принадлежало право назначать судей» [6, с. 304]. Однако, несмотря на фактическое отсутствие принципа разделения властей в данной структуре, организацией высказывалось положительное отношение к демократии, основные принципы которой – народ как источник власти и свобода слова – соответствовали в видении «Братьев» принципам ислама [7]. При уважении демократических принципов, «Братья-мусульмане» категорически отвергали политический плюрализм, неоднократно заявляя, что западный принцип многопартийности является чуждым египетскому менталитету, и оборачивается борьбой за власть группировок, за которыми стоят личные интересы корыстолюбивых лидеров, не связанные с интересами страны [8, с. 87]. По словам Аль-Банни, «многочисленные партии Египта преследовали личные, а не общественные интересы. Единственной целью их существования являлась власть и они готовы были пойти на все ради ее достижения». Основатель организации призывал к формированию единого «народного органа, служащего в интересах людей и на основе принципов ислама» [9].

Таким образом, «Братья-мусульмане» предлагали свою собственную форму «демократического» государственного правления, основанную на единстве уммы, принципе верховенства воли Аллаха (то есть, исламского шариата) как источника законодательства и участия народа в управлении через его представительство в «едином народном органе» [там же].

Такая концепция государственного устройства являлась основой идейно-политической мысли ассоциации вплоть до середины 90-х гг. 20 в. Однако, как уже отмечалось ранее, участие в избирательном процессе заставило «Братьев-мусульман» пересмотреть некоторые аспекты их политического дискурса, адаптировав его к современности, диктовавшей свои условия: демократия и плюрализм стали основными понятиями, которыми оперировала ассоциация.

Вместе с тем «Братья» сохраняли тезис о создании исламского государства, основанного на верховенстве шариата. Использование идеи ислама как политической системы дало повод для обвинения ассоциации со стороны светски настроенных политических сил в намерении установить в Египте религиозное теократическое государство. Такие противоречия могли серьезно ударить по электоральной состоятельности организации. Поэтому, руководствуясь той же идейной базой, «Братья-мусульмане» начали применять понятие «светское государство с исламской основой».

Впервые на официальном уровне это понятие ассоциация применила в своей предвыборной программе в верхнюю палату египетского парламента (совет Шуры) в 2007 г. [10]. В понимании «Братьев» «светское государство с исламской основой» являлось демократическим. Демократия в представлении ассоциации соответствовала исламской доктрине, так как предполагала личную свободу, постулировала власть народа над правительством, отмечала ответственность правителя перед народом и разделяла власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также обеспечивала равенство людей и гарантировала даже самым малоимущим гражданам их

права [11, сс. 39-55]. Ассоциация говорила о светском правительстве, отрицая теократическое правление. Также она поддерживала «народное представительство в свободно избранном на определенный срок парламенте» [12, с. 46]. Эта власть не являлась священной, ее представители не были застрахованы от ошибок. Именно люди выбирали власть, именно они имели право сместить ее, если ее действия противоречили исламскому законодательству либо не устраивали их. Нельзя не отметить, что, в отличие от концепции Аль-Банни, основанной на институте единоличного правления в области исполнительной, законодательной и судебной власти, программа 2007 г. делала особый акцент на важности принципа разделения властей и, в особенности, независимости судебной системы [там же].

Вместе с тем, несмотря на то, что «Братья» постоянно подчеркивали свою приверженность демократическим принципам, следует различать демократию в понимании «Братьев-мусульман» и традиционно принятое западное понятие «власти народа». В «светском государстве с исламской основой» законы построены не на власти религиозных лиц, а на писанном законодательстве, однако оно должно соответствовать Корану и Сунне [13, с. 53]. «Управлять людьми с помощью закона, отличающегося от шариата нельзя. Ни одна власть не имеет легитимного права запрещать или разрешать что-либо» [3, с. 343]. Легитимность политической власти подтверждается Кораном и принципами исламского законодательства [там же, с. 331]. Вместе с тем управление должно осуществляться с учетом требований времени [14, с. 19]. Исходя из этого «Братья» приветствовали иджтихад (интерпретация и комментирование), в соответствии с новыми политическими и экономическими условиями, а также достижениями науки и техники [8, с. 290].

Разницу между западной и исламской концепцией демократии подтверждают высказывания лидеров «Братьев». Мухаммед Хабиб, бывший заместитель верховного наставника ассоциации, например, заявил, что «Европа представляет демократическую модель, которая присуща именно европейскому обществу», но не подходит для арабских стран [15, с. 70]. Лидер ассоциации Мустафа Машхур сделал в 1995 г. оговорку, что «демократия не предоставляет абсолютного суверенитета гражданам. Власть должна осуществляться в рамках шариата. Британский парламент в 1960-х гг., например, легализовал гомосексуализм. Для нас это неприемлемо, так как противоречит шариату» [16, с. 221].

Махмуд Газлян, один из лидеров ассоциации, в свою очередь заявил: «Абсолютная власть в западной демократии принадлежит людям, которые имеют полное право принимать те или иные законы, вне зависимости от того, соответствуют они религиозным канонам или нет. У них абсолютно законны такие вещи как алкоголь, гомосексуальность, супружеская измена и азартные игры. Мы принимаем демократию, но все законы должны быть в рамках шариата» [15, с. 72]. «Братья-мусульмане» считают, что мусульманское общество может следовать тем же демократическим традициям и процессам,

применяемым на Западе, но в то же время при сохранении исламских принципов в морали и этике [16, с. 222].

Таким образом, основой концепции государственного устройства в идеологии «Братьев-мусульман» был и остается шариат. Несмотря на поддержку современных механизмов управления государством, таких как демократическое управление и президентская республика, «Братья» различали понятие демократии как системы ценностей и демократии как политического инструмента. Они поддерживали последний, однако многие из демократических ценностей, проповедуемых Западом, остались для ассоциации чуждыми. Представление сущности управления «Братьев-мусульман» не было основано на философии естественных прав человека, а построено на разрешении бога, прописанного в Коране как доказательстве человеческого правления в рамках верховенства шариата [3, с. 161]. Ассоциация понимала под демократией прежде всего возможность народа свободно выбирать лидера исполнительной, а также представителей законодательной власти и смещать их в случае недоверия к ним. В то же время необходимые атрибуты и ценности демократии в западном понимании отрицались ассоциацией, так как противоречили исламским законам. Демократия в понимании «Братьев» – сугубо политическое явление, не отменяющее строгую регламентацию общественной жизни согласно шариату.

1. Simms, R. Islam is our politics. A gramscian analysis of the Muslim brotherhood (1928-1953) // Social compass. 2002. Vol. 49, № 4. P. 563-582
2. Moussalli, A. Hasan Al-Banna's islamist discourse on constitutional rule and Islamic state // Journal of islamic studies. 1993. Vol. 4.2. P.161-174
3. Аль-Банна, Х. Собрание посланий имама Хасана Аль-Банна. – Каир, 1998. (на араб. яз)
4. Leiken, R., Brooke, S. The Moderate Muslim Brotherhood // Foreign Affairs. 2007. № 2. С. 108.
5. Baker, R. W. Sadat and after. Struggles for Egypt's political soul. Cambridge: Harvard University press, 1990.
6. Heyworth Dunne, J. Religious and Political trends in Modern Egypt // J. Heyworth Dunne. Washington, 1964.
7. Аль-Банна, Х. На пути к свету. Каир: Дар Ат-тавзийй ва ан-нашар аль-ислямийя, 1997. (на араб. яз.)
8. Ражбадинов, М. Египетское движение «Братьев-мусульман» / М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
9. Аль-Банна, Х. Чтение послания пятой конференции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ikhwanonline.com/Article.asp?ArtID=37169&SecID=371>. – Дата доступа: 04.04.2011 (на араб. яз.)
10. The Electoral Programme of the Muslim Brotherhood for Shura Council in 2007 // Muslim Brotherhood official website [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=822&ref=search.php>. – Дата доступа: 02.02.2011.
11. Ат-Тилмисани, У. Исламский выход из текущей политической дилеммы. Каир: Дар Ан-Нашари ва ат-таузиа аль-ислямия, 1991.
12. Таммам Х. Преобразования «Братьев-мусульман». Идеология и конец регулирования. Каир: Аш-Шурук, 2006.
13. Tadros, M. The Muslim Brotherhood in contemporary Egypt. New-York : Routledge, 2012.
14. Ат-Тилмисани, У. Ислам и религиозное правительство. Каир: Дар Ан-Нашари ва ат-таузиа аль-ислямия, 1985. (на араб. яз)
15. Emerson, M., Youngs, R. Political Islam and European foreign policy perspectives from Muslim democrats of Medditarranean. Brussels, 2007.
16. Pargeter, A. The Muslim Brotherhood. The burden of traditions. L., 2010.